

ЦЕНТР И ДЕМОКРАТИЯ

Никакая революция никогда не умела остановиться вовремя: на то она и революция. Милюков и Керенский, Мирабо и Лафайет, Горбачёв и Лукьянов казались нерешительными и мягкотелыми или даже просто предателями, и революции всегда выносили на поверхность Лениных, Робеспьеров, Гамсахурдиа. Потом, через несколько лет, или через семьдесят лет, как у нас, наступало похмелье и прозрение («за что боролись, на то и напоролись»), но в период революции остановить её мчащийся под откос поезд почти невозможно.

Наша революция, возможно, уже миновала тот период, который потом будет вспоминаться как счастливое время удивительной свободы. И один из признаков этого — почти полное разрушение союзного центра. Мы попали в ловушку, созданную нами самими. Мы отождествили зло и реакцию с центром, имея в виду не только вот этот имперский центр, а центр вообще, мы отождествляли добро и прогресс с расчленением Союза. Это было очень заманчивое отождествление, заманчивое и политически, и психологически. Оно позволяло включить в «демократический блок» мощные силы националистических движений и использовать стремление самых разных и не всегда самых лучших людей «пограбить награбленное» при дележе союзной власти и союзной собственности. И оно позволило подменить очень сложную задачу — построение развитого демократического общества — задачей очень простой.

На мой взгляд, с нашим центром связан ряд мифов, аналогичных тем, которые всегда возникают спонтанно при разрушении империй.

Миф первый — центр был силен, и борьба с ним была героической борьбой с монстром. Это была действительно борьба с монстром, но реальную силу этого монстра показал комический путч его несчастных сторонников 19 августа. Наш центр можно сравнить с гигантом и колоссом, когда-то молодым и сильным (и в эту пору много грешившим), но давно уже изъеденным бесчисленными внутренними болезнями. И мы быстро почувствовали это, не устояв перед понятным человеческим искушением попинать ногами больного старика, воображая при этом, что пинаем того молодца и наглеца, каким он был когда-то, и ощущая себя мифологическими героями.

Миф второй — центр был коварен и для самосохранения разжигал этнические конфликты. В этом всегда обвинялись умирающие империи, и каждый раз происходило одно и то же: как только исчезал якобы вызывающий конфликты имперский фактор, начиналась немыслимая резня. Сейчас, после кровавой истории независимых Индии и Пакистана, смешно думать, что индийские этнические и религиозные конфликты инспирировались англичанами, как это утверждали индийские борцы за свободу. Они возникали из самих реалий индийской жизни. И у нас конфликты в Фергане, Молдове, Осетии, Карабахе и других регионах возникли не из-за интриг центра, хотя, разумеется, определенные силы в центре могли быть заинтересованы в этих конфликтах и поощрять их. Конфликты были всегда, но приобрели кровавые формы из-за того, что процесс разрушения союзных структур резко обогнал процессы демократизации, создания демократических систем, вводящих конфликты в мирное русло. Даже в том случае, если центр поощрял выступления автономий против России, прибалтийских русских против прибалтов и абхазов и осетин против грузин для своего самосохранения, то объективно этим он охранял права меньшинств,

препятствовал установлению тирании большинства. Центр был настолько слаб, что вместо наведения порядка в Фергане переселил оттуда турок-месхетинцев. Но если бы центра вообще не было, то и никаких турок-месхетинцев сейчас тоже не было бы. Центр не мог положить конец карабахскому конфликту. Но я не уверен, останутся ли вообще без центра в Карабахе какие-нибудь армяне. Если центр не будет преобразован и воссоздан к новой жизни, а просто «отдаст богу душу», то конфликты, которые были до 19 августа, могут показаться цветочками по сравнению с тем, что нам предстоит (очень вероятно, например, войны России с Украиной и Казахстаном).

Миф третий — центр мешал развитию демократии. Уже не говоря о том, что инициировал демократические процессы в республиках все-таки Горбачёв, центр объективно выполнял и ряд важнейших демократизирующих функций. Он не давал нигде никому захватить власть полностью, везде являясь «второй властью», противовесом. При центре, даже слабом, сажать политических противников в тюрьмы местные революционные или контрреволюционные князьки все-таки стеснялись, и от откровенно фашистских режимов мы были гарантированы. Сейчас же происходит то, что происходило опять-таки сотни раз при разрушении империй. Вольнолюбивые жители Уганды требовали от англичан полной свободы, а не куцега самоуправления, добились этого, продержались несколько лет и попали под власть Иди Амина, диктатора-людоеда в буквальном, а не переносном смысле слова. И вообще почти нигде возникшие на развалинах английской, французской и других империй государства не обошлись без кровавых диктатур и войн между собой. И если центра не будет, то не обойдемся и мы.

Я совсем не хочу сказать, что наш центр и наш Союз — высшая ценность, которую надо сохранять любой ценой и навеки. Ценности прав человека, демократии (в том числе и права народов на самоопределение) неизмеримо выше. Но именно во имя этих высших ценностей мы не должны позволять Союзу распадаться и умирать, пока у нас не созданы стабильные демократические структуры. Если бы в Грузии, например, несколько раз прошли парламентские выборы, сложилась демократическая партийная система, были бы гарантированы права абхазов и осетин, то совершенно не важно, в Союзе Грузия или нет. Но если выход Грузии из Союза означает, что целые народы, за судьбу которых мы все несем ответственность, будут попросту уничтожены, мы должны всячески препятствовать этому выходу, обставлять его жесткими условиями, требовать гарантий для национальных меньшинств. Сейчас, очевидно, ни в одной нашей республике, кроме, может быть, уже освободившихся прибалтийских (демократизм которых, однако, мы тоже склонны преувеличивать), нет условий для демократии. Демократия везде держится на Союзе, в том числе, я уверен, и в России.

Поэтому сейчас те, для кого демократия — не прикрытые стремления нажиться на переделе власти и богатства, не прикрытые национализма, должны, наконец, задуматься, нужно ли им просто добивать лежачего или, наоборот, попытаться вернуть его к новой жизни.

На мой взгляд, сейчас лозунгом демократии должно стать воссоздание сильного центра как гаранта прав человека на всем нашем евразийском пространстве. Разумеется, центр должен быть воссоздан на основе делегирования ему полномочий республиками, но таких полномочий, которые делали бы его сильнее, чем каждая отдельно взятая республика (включая и начинающую, кажется, приходить в безумие от своих легких побед над бессильным и старым монстром Россию). Центр должен иметь право и реальную силу, чтобы

вмешиваться во внутренние дела республик, если там нарушаются права человека, не спрашивая согласия местных князей.

Для этого ему не нужно обладать чудовищной, но полностью бессмысленной армией, теоретически способной уничтожить Китай и США одновременно, а практически не способной навести порядок в Осетии и Фергане... Но ему нужна достаточно сильная высокопрофессиональная и мобильная армия, способная легко подавлять погромы типа ферганского (которых у нас еще будет достаточно). Он должен быть не слабее, а сильнее старого центра. Воссоздать такой центр — очень трудно (значительно труднее, чем полностью его развалить), но пока еще возможно. И если у нас хватит ума и сил сделать это, мы спасем себя, ибо пока демократия у нас не пустила корней и пока мы не гарантированы, что распад Союза не будет означать серию русско-казахских, таджикско-узбекских и прочих войн, Союз и союзный центр — основная гарантия и нашей демократии, и нашего выживания. Лишь в том случае, если мы сохраним (или воссоздадим) сильный центр, мы сможем добиться того, что эта русская (и украинская, грузинская, и т. д.) революция будет последней.